

Н. С. Братчикова

СТАНОВЛЕНИЕ ФИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ РЕФОРМАЦИИ

Резюме: Перемещение в Турку епархиального центра и необходимость формирования корпуса текстов на национальном языке в связи с христианизацией Финляндии являются факторами, которые побудили церковных деятелей к формированию литературного языка. Языковая ситуация в стране характеризовалась полиязычностью: духовенство и интеллигенция владели шведским и немецким языком, некоторые знали финский. Большинство населения говорило по-фински. В XIII–XV веках финский язык обладал более низким статусом, чем шведский. Латинский язык сохранял определенные позиции в церковной жизни.

Формирование финского литературного языка стала заслугой великого реформатора Агриколы, хотя в его языке еще наблюдались непоследовательность в орфографии, калькированные формы из латыни.

В период Реформации на рубеже XVI–XVII веков стала создаваться первая грамматика финского языка.

Ключевые слова: формирование финского литературного языка, Реформация, христианизация Финляндии, лютеранство, Микаэль Агрикола.

Первые книги на финском языке появились сравнительно поздно, в середине XVI века, что было связано с реформой финляндской церкви и переходом от католичества к лютеранству.

На протяжении всего рассматриваемого периода церковь на территории Финляндии выступала наиболее организованной общественной силой. Финляндский епископат был автономен от светской власти, в известной мере и от Рима. Роль церкви была сильна и постоянно возрастала в связи с географической удаленностью страны, отсутствием непосредственной королевской власти, редкой заселенностью в стране и значительными внутренними расстояниями, которые естественным образом осложняли управление территориями.

В середине XIII века сформировалась епархия с центром в городе Або (ныне Турку). Первым достоверно известным епископом с титулом «епископ Финляндии» был доминиканский монах английского происхождения **Туомас**. Рим поощрял прибытие в Скандинавию английских миссионеров, так как не желал видеть там немцев, однако во время епископства доминиканского монаха укрепились и приобрели устойчивый характер

связи Финляндии с немецким религиозным и культурным миром. Туомас был яростным противником язычества. Он с неоправданной жестокостью приступил к христианизации племени хяме, обитавшего к востоку от собственно Финляндии и Сатакунта¹.

В 1291 г. впервые епископом был избран представитель местного знатного рода Таваст, финн по происхождению **Мауну I**. В этот период (1300 г.) был освящен собор в Турку, куда была окончательно перенесена епископская кафедра. Для нашего исследования важны два факта: перенос епархиального центра в Турку и формирование в связи с христианизацией Финляндии корпуса текстов (требников) на родном языке прихожан. Считается, что Мауну I написал литургию святого Хенрика (Генриха)².

При соборе открывается кафедральное училище для подготовки священников, Турку постепенно становится крупнейшим центром церковного образования в Финляндии, а школьное образование – прерогативой «профессиональной интеллигенции» средневековья – духовенства. Епископ **Хемминг** (1338–1366) стремился к тому, чтобы духовенство пополнялось за счет уроженцев Финляндии, т. к. до этого подавляющее число лиц духовного звания происходили из Швеции, как Хемминг, либо из Германии. Для этого выходцы из Суоми направлялись на учебу в континентальную Европу, прежде всего в Парижский университет. Хемминг неустанно заботился о процветании местной кафедральной школы. В 1354 году он подарил библиотеке собора ценные книжные фолианты, представлявшие собой главным образом европейскую теологическую и юридическую литературу. Финляндия постепенно приобщалась к культурным достижениям и ценностям западных государств.

---

¹ Следствием этого стало восстание хяме, поддержанное новгородцами и карелами. Восстание было подавлено в ходе Второго крестового похода (1237–1238 гг.). Под идейным руководством Туомаса шведы выступают с походом против Новгорода, что закончилось их поражением в Невской битве 1240 г. В 1259 г в источниках вместо титула «епископ Финляндии» впервые зафиксировано наименование «епископ Або (Турку)» – *episcopus Aboensis*, которым с тех пор стали обозначать первоиерарха финской церкви (Макаров 2007: 12).

² Финский священник Генрих распространял христианство среди финских племён и был убит крестьянином Лалли в 1156 году. Мощи епископа Хенрика были перенесены в Турку в 1286–87 гг. Финляндия обрела своего первого и единственного святого покровителя.

К рангу так называемых «великих епископов» относится **Мауну II Таваст**, происходивший из рода Таваст. Он был самым известным католическим епископом в Финляндии (служил в 1412–1450 гг.), ревностно оберегал интересы церкви и способствовал ее автаркии. Епископ горячо поддерживал биргитский монастырь в Наантали. Магнус II стал назначать на высшие церковные должности уроженцев Финляндии. Это решение было целесообразным, так как отныне церковь от низового звена до высшего представляла местные интересы.

В истории финской церкви неоднозначную роль имела деятельность епископа **Конрада Битса** (1460–1489). Мы не будем описывать те церковные нарушения и тяжкие налоговые поборы, в которых он был обвинен; впоследствии церковь отпустила ему эти грехи. В культуру Финляндии и в развитие финского книгоиздания он внес неоценимый вклад: по его настоянию для епархии Турку был издан требник «*Missale Aboense*» (1488 г.), ныне считающийся первой финской книгой. Сборник включал мессы ордена доминиканцев, специально подготовленные туркуские молитвенные тексты, календарь местных святых, составленный в расчете именно на финскую церковь, и предисловие, написанное Конрадом. Кроме того, требник, изданный *in folio* и насчитывавший 550 страниц, включал также тексты для чтения, молитвы на каждый день, богослужебные песнопения. Впоследствии на эту книгу опирался Микаэль Агрикола при составлении первых лютеранских книг на финском языке.

Большое значение в истории финляндской церкви и культуры страны имела деятельность **Мауну III Сяркилахти (Магнус Николай)** (1489–1500). В 1492 г. Мауну III официально утвердил практику чтения в церквях молитв «Отче наш», «*Ave Maria*» и «Верую» по-фински и предписал священникам произносить за богослужением по-фински общее исповедание грехов. Священники имели при себе унифицированные тексты молитв и единообразную схему исповеди для их повсеместного одинакового прочтения и облегчения запоминания прихожанами. Доминиканские и францисканские проповедники общались с местным населением на родном для прихожан языке: в Финляндии епископы были заинтересованы в использовании народного языка (см.: Suomen kirjallisuushistoria 1999:12).

Мауну III занимался факсимилированием книг в первую очередь для практических нужд. Однако в дальнейшем эта работа сыграла огромное значение для развития письменной культуры и становления историографии в Финляндии. Некоторые

историки даже называют Мауну III «праотцом истории Финляндии» (Jaakkola 1931: 135–146). Самой известной является его рукопись «Кодекс Сяркилахти» (Codex Särkilahti).

Для нашего исследования представляет несомненный интерес деятельность епископа **Мартти Шютте** (Martinus Johannis) (1528–1550), который строго придерживался католических традиций. Лишь после его ухода, когда на его место заступил Микаэль Агрикола, в Финляндии начался период Реформации. Объективные предпосылки для Реформации были сформированы в том числе в период службы епископа Шютти. Дело в том, что Мартти Шютте был большим поборником образования. Финляндская церковь в его лице финансировала молодых людей, направляемых на учебу за рубеж, что позволило им ознакомиться с новыми религиозными преобразованиями в Европе и приобщиться к идеям Лютера.

Начальное образование (*trivium*) можно было получить в городских школах Выборга, Раумы и Порвоо. При монастырях также существовали начальные школы. В туркуском кафедральном училище были представлены обе ступени – *trivium* и *quadrivium*. Именно здесь готовились священники для епархии Турку. Претенденты на высокие церковные должности должны были получить образование в европейских университетах. Подсчитано, что за двухсотлетний период (с начала XIV века по начало XVI века) около 140 выходцев из Финляндии стали магистрами различных европейских университетов (Макаров 2007: 20–21).

В первое время финские студенты выбирали для продолжения образования Парижский университет. Его закончили 40 человек. Во второй половине XV века студенческий поток направился в Германию, сначала в университет Росток. Выходцы из Финляндии обучались также в Грейфсвальде, Эрфурте, Кельне, Лейпциге. География университетов свидетельствует о том, что основные культурные и религиозные влияния шли в Финляндию, главным образом, через Германию. Финское духовенство исподволь готовилось к восприятию идей Лютера и реализации его церковных преобразований в недалёком будущем.

Магистры привозили с собой из зарубежных учебных поездок собрания церковных и юридических книг на латинском языке. Именно с этих книг началась книжная культура в Финляндии. В библиотеках того времени стал постепенно формироваться фонд богословских книг, включавший в том числе корпус текстов, сочинённых непосредственно финскими авторами,

например, литургия Хенрика, о которой мы говорили выше. В отношении последней небезынтересно знать, что в художественном плане данное произведение считается высшим достижением латиноязычной литературы в Финляндии. Легенда об упсальском епископе Хенрике имеет свой фольклорный вариант на финском языке. Она представлена в виде исторической песни и имеет столь же древнее происхождение, что и церковная легенда, но она возникла и развивалась самостоятельно.

Общую языковую ситуацию в стране можно рассмотреть с двух позиций: язык духовенства и язык прихожан. Для обеих групп характерно языковое многообразие.

Священники свободно владели не только шведским, но и финским языком, последний являлся для некоторых родным. Заметим, что в XIII–XV веках финский язык обладал более низким статусом, чем шведский. На нём не было создано ни одного письменного текста. Церковные служители знали и немецкий язык.

Большинство населения страны говорило по-фински. Это были крестьяне, населявшие прежде всего внутренние области страны и частично прибрежные районы. На шведском языке говорило население, обитавшее на Аландских островах, островах архипелага Турку и на значительной части побережья Ботнического и Финского заливов. Доля шведоязычного населения в описываемый период достигала 1/5 всех жителей страны. Немногочисленное население городов было многоязычным, поскольку все шесть финских городов этой эпохи (Турку, Выборг, Порвоо, Наантали, Раума и Улвила) располагались на морском побережье и были в той или иной мере вовлечены в систему международной торговли. К началу Реформации говорящие по-фински и по-шведски были представлены в городах примерно в равной пропорции; кроме того, определенную часть населения, особенно в Выборге, составляли немцы, влияние которых в XIV–XV веках было довольно значительным, хотя со временем оно значительно ослабло (см.: Heininen).

По мере укрепления централизованной власти шведских монархов происходило постоянное укрепление в Финляндии позиций шведского языка, который превратился в язык администрации, торгово-промышленной деятельности и светской культуры. Однако, как отмечают историки, в том числе И. В. Макаров: «все жители Финляндии, независимо от их родного языка, обладали общей региональной идентичностью и каких-либо противоречий на языковой почве между ними не

наблюдалось» (Макаров 2007: 86). М. Клинге однозначно указывает на весьма спокойную языковую ситуацию, сложившуюся в стране: «в Финляндии шведский язык никогда не был языком завоевателей и инструментом иноземного правления: скорее, он выступал посредником, через который финны приобретали к западной цивилизации, к политическим и литературным традициям, к промышленному и торговому прогрессу Западного мира» (Klinge 1993: 172–173).

Языковая ситуация в городе и сельской местности была неоднородной: в финских городах рассматриваемого периода обычным было двуязычие (а то и свободное владение тремя языками некоторыми слоями населения, например, духовенством, дворянами), в то время как в сельской местности крестьяне, за исключением пограничных районов со Швецией, владели только финским языком. Это делало актуальной проблему перевода Священного Писания и богослужебных текстов на финский язык. Поскольку в рассматриваемый период единого финского языка не существовало, его пришлось формировать, опираясь на местные диалекты. Возникший язык стал в истории языка именоваться «старофинским литературным языком» (*vanha kirjasuomi*). Он являлся языком богослужения, церковной проповеди и душеполезного чтения (Макаров 2007: 87). Кроме того, к нему обращались при трактовании населению законодательных актов, нормативных документов, оформлении исков. В дальнейшем это способствовало формированию финского юридического языка. Напомним, что все законодательные документы оформлялись на шведском языке, так что в сфере юриспруденции финский язык не употреблялся.

Латинский язык сохранял определенные позиции в церковной жизни. В течение многих десятилетий после начала Реформации в Финляндии некоторые части богослужения по-прежнему звучали на этом языке. Латынь использовалась в качестве языка церковной администрации: на ней делались записи капитула, окружные послания епископа к духовенству. Она сохранила статус языка школьного преподавания. Служитель лютеранской церкви был обязан знать латинский язык.

Книжная продукция в Финляндии была представлена церковными и юридическими переводными текстами. Одним из самых известных в Финляндии католических авторов был **Йенс Будде** (1437–1491). Первые упоминания о нем датируются 1461 годом. Он нес монашеское служение в монастыре Наантали и переводил на шведский язык латинские религиозные трактаты и

жития святых. Будде принято считать первым писателем Финляндии, однако в действительности большую часть его работ составляют переводы. Будде опубликовал около двадцати книг, самой известной из которых была «Книга Йенса Будде» (Jöns Buddes bok) (Suomen kirjallisuushistoria 1999: 26–29). Своими литературными трудами он пытался воздействовать на финское общество. Авторитет святых помогал писателю придать текстам дополнительное, нравоучительное, значение.

Будде перевел некоторые главы Ветхого завета на шведский язык. Труд не был опубликован, но для нас важен тот факт, что в епархии занимались переводом Священного писания. По мере переводов библейских текстов на шведский язык родилась и крепла идея перевода Библии на язык основной части населения, то есть на финский.

Переводом Библии занимался ряд священников. Главную роль в этом сыграл **Пиетари Сяркилахти** (Petrus Särkilahti)³, направляя финских священников на обучение в центр лютеранского мира – Виттенберг⁴. Среди слушателей магистратуры в Виттенберге были практически все его ученики. Пиетари Сяркилахти стал провозвестником Реформации в Финляндии.

Из книжной продукции рассматриваемого периода заслуживает упоминания требник *Manuale Aboense* (1522 г.), предназначенный для епархии Турку, а также сборник латинских песнопений *Piae cantiones* «Благочестивые песнопения».

Период правления шведского короля Густава Васы хронологически совпадает с начальным периодом Реформации в Финляндии (1520–1550) и епископством **Микаэля Агриколы** (1510–1557), который с большим энтузиазмом приступил к реформированию финляндской церкви. Эти преобразования предполагали создание вероучительных и богослужбных книг на финском языке. Учение Лютера подразумевало, что христианин должен сам уметь читать Библию. Это определяло новые задачи для духовенства: обучение грамотности населения и перевод текстов на родной язык паствы. Как пишет Х. Менандер в монографии «История Финляндии», «до реформации в Финляндии никому в голову не приходило издавать на финском

---

³ В своё время Пиетари Сяркилахти слушал лекции Эразма Роттердамского и под влиянием этих лекций, видимо, и способствовал организации семинарских занятий по Священному Писанию на основе латинского издания Нового завета Эразма и шведского перевода 1526 года.

⁴ Всего за период с 1532-го по 1554-й год в Виттенберге получили образование двенадцать уроженцев Финляндии (Kallinen 1998).

языке книги» (Менандер 2008: 25). Постепенно закладывались основы для перевода. Заслужой Агриколы является формирование финского литературного языка, за что впоследствии он будет назван «отцом финского литературного языка».

Литературная деятельность Агриколы наиболее значима в период 1540-х годов. Он пишет книгу – *ABCkiria* «Азбуку». «Азбука» была религиозной книгой, поэтому она не содержала подробного описания грамматики финского языка⁵. В ней давались краткие указания о произношении принятых буквенных обозначений. В отношении орфографии Агрикола оставался во власти известных ему языков – латинского, шведского и немецкого. Кроме того, составитель «Азбуки» писал на западном диалекте финского языка, который был близок и понятен ему от рождения. Можно утверждать, что в языке Агриколы отразились диалектные особенности западных районов Финляндии.

Описывая язык Агриколы, отметим его непоследовательность в орфографии. По-разному на письме оформлялись гласные звуки. Например, звук [a] оформлялся двояко, как удвоенной буквой *iaanonsa* (*janonsa*), так и одинарной *andacan* (*antakaan*); звук [e] имел тройное обозначение: одинарной буквой *e* – *ellei* (*ellei*) ‘если не’, удвоенной *ee* – *eet* (*et*) ‘ты не’, *nee* (*ne*) или буквой *ä* – *käsekw* (*kesäkuu*) ‘июнь’, *änembi* (*enempi*) ‘больше’; звук [i] мог иметь четыре варианта оформления: одинарной буквой *i* – *iloxi* (*iloksi*) ‘к радости’, *kiui* (*kivi*) ‘камень’, буквой *j* – *uxj* (*yksi*) ‘один’, *jstupi* (*istupi*) ‘сидел’, сочетанием *ij* – *welij* (*veli*) ‘брат’, *ijkenes* (*ikänäns*) ‘возрастом’ или буквой *y* – *metelyt* (*metelit*) ‘шум, возня’. Звук [u] в середине слова обозначался трояко: буквой *u* – *cuca* (*kuka*) ‘кто’, *minua* (*minua*) ‘меня’ или *v* – *tvle* (*tule*) ‘приди’, *cvnnia* (*kunnia*) ‘честь’, удвоенным сочетанием *uu* – *asuumaxi* (*asumaksi*) ‘для того чтобы жить’, буквой *w* – *twrulla* (*turulla*) ‘у Турку’ или *o* – *connioitan* (*kunnioitan*) ‘я уважаю’. Гласный звук [o] обозначался как *o* или как *å*: *iouckohon* (*joukkohon*) ‘в группу’, *oloo* (*olko*) ‘пусть будет’, *Hånga* (*honka*) ‘сосна’, *nåuse* (*nouse*) ‘поднимись’.

⁵ Причина, почему именно подобная книга была издана по-фински, кроется в том, что за несколько столетий, прошедших после крещения страны, христианство не успело укорениться в народе, который сохранял языческие представления. Агрикола неодобрительно оценивал нравы и обычаи, царившие тогда в стране. Он помещает в предисловии к переводу Псалтири список языческих божеств. В конце списка стоит восклицание: «Не глупый ли это народ, верующий в них и поклоняющийся им! Дьявол и грех довели их до такой веры» (цит. по: Карху 1979: 62).

Дифтонг *uo*, как правило, обозначался удвоением буквы *oo* или одинарной *o*, иногда как *å*: *hoonesä* (*huoneessa*) ‘в комнате’, *Noricaiset* (*nuorikaiset* [*nuorukaistet*]) ‘молодые люди’, *worihin* (*vuorihin* [*vuoriin*]) ‘в горы’, *wårelle* (*vuorelle*) ‘в гору’. Аналогичным образом обозначался дифтонг *üö*: *öön* (*yön*) ‘ночи’, *löönyt* (*lyönyt*) ‘ударивший’, *söö* (*syö*) ‘ешь’, *mös* (*myös*) ‘также’. Однако встречаются следующие обозначения: *öelle* (*yölle*) ‘ночи’, *töedt* (*työt*) ‘работы’. Дифтонг *ie* обозначался как *ie*, *ije*, *e* или *ee*: *riende* (*rientää*) ‘броситься’, *sijelun* (*sielun*) ‘души’, *tijen* (*tien*) ‘дороги’, *renteleuet* (*rientelevät*) ‘бросаются’.

Непоследовательность была характерна в оформлении согласных звуков. Например, перед переднеязычными гласными звуками [к] оформлялся буквой *k*: *lukea* (*lukea*) ‘читать’, *keskyt* (*käskyt*) ‘повеления’; перед заднеязычными звуками *e*, *ä*, *ö* как сочетание *ki*: *kieula* (*keula*) ‘нос’, *kiäri* (*kääri*) ‘оберни’, *kiöuhet* (*köyhät*) ‘бедные’. Перед заднеязычными звук [к] мог обозначаться как *c*: *caunis* (*kaunis*) ‘красивый’, *iotca* (*jotka*) ‘которые’, *coska* (*koska*) ‘потому что’; в некоторых словах перед гласной *u* звук [к] обозначался как *q*: *quina* (*kuinka*) ‘как’, *quin* (*kuin*) ‘словно, как’. Соблюдая традицию шведской орфографии, Агрикола последовательно одинаково оформлял звук [к] в словах *kuningas* ‘король’ и *kunta* ‘община’ всегда через букву *k*. После назальных и сонорных звуков звук [к] отмечался буквой *g*: *hengi* (*henki*) ‘дух’, *julgi* (*julki*) ‘вне, наружу’, *surgia* (*surkia*) ‘жалкий’. Реже звук [к] оформлялся сочетанием *gh*, *ck* и *ch*: *synghie* (*synkiä*) ‘мрачный’, *ahckera* (*ahkera*) ‘старательный’, *mieckat* (*miekat*) ‘мечи’, *perchele* (*perkele*) ‘черт’. Гемината *kk* чаще всего прописывалась как сочетание *ck*; однако после назальных и плавных звуков как *k*; реже всего встречались обозначения удвоенного звука *kk* как *c* или *cc*: *liecki* (*liekki*) ‘пламя’, *lammickoon* (*lammikkoon*) ‘в пруд’; *ankurit* (*ankkurit*) ‘якори’, *silki* (*silkki*) ‘шелк’; *wasica* (*vasikka*) ‘теленки’, *miecca* (*miekka*) ‘меч’. Для обозначения сочетания *ks* всегда использовалась буква *x*: *mixei* (*miksei*) ‘почему не’, *söxemen* (*syöksemän*) ‘броситься, кинуться’.

Звук [т] обозначался чаще всего как *t*, однако с такой же частотностью в середине слова после назальных и плавных звуков использовалась буква *d*, которая встречалась и в конце слова: *tutkipi* (*tutkipi*) ‘изучал’, *hitaat* (*hitaat*) ‘медленные’, *anda* (*antaa*) ‘давать’, *sieldä* (*sieltä*) ‘оттуда’, *waldakunda* (*valtakunta*) ‘государство’, *itdken* (*itken*) ‘я рыдаю’, *puuttunud* (*puuttunut*) ‘отсутствовавший’. В текстах для обозначения звука *t* изредка

встречалось написание *th* в середине слова между гласными и в конце слова, а также зафиксированы случаи обозначения звука [t] как сочетания *tt*, *dh* и *dt* в конце слова: *näeth* (*näet*) ‘видишь’, *vskonett* (*uskoneet*) ‘верившие’, *tednydh* (*tehnyt*) ‘сделавший’, *nimedt* (*nimet*) ‘имена’.

Звонкий дентальный спирант [ð] оформлялся как сочетание *dh*. В текстах Агриколы встречаются следующие словоформы: *sydhemmen* (произносилось: *syðämen*) ‘сердца’, *wirdhan* (произносилось: *virðan*) ‘течения’, *puhdhas* (*puhðas*) ‘чистый’, *senteden* (*sentähðen*) ‘поэтому’, *vääruuðen* ‘несправедливости’ (Agricola 2007: 68–70).

В XVI в. в шведском языке звук [ð] перешел в звук [d], сочетание *dh* стало оформляться только как *d*. В старом финском литературном языке сочетание *dh* вышло из употребления на письме в XVII веке. Например, в библейских текстах 1642 года использовались только формы с буквой *d*, как *säädyissäni* (произносилось: *säädyissäni*) ‘в моих сословиях’, *kedon* (произносилось: *кедон*) ‘поля’, *tehdyt* (*tehðyt*) ‘сделанные’. Как видно, на письме уже последовательно используется только буква *d*⁶.

Звук [h] передавался как *h*, *ch*, *c*, *ck*, *ff* (Agricola 2007: 72). Например: *pyhe* (*pyhä*) ‘святой’; *echo* (*ehtoo*) ‘вечер’; *tecty* (*tehty*) ‘сделанный’; *tapactu* (*tapahtuu*) ‘происходит’; *tecktämän* (*tehtämän*) ‘будет сделан’; *lyffty* (*lyhty*) ‘фонарь’; *wffri* (*uhri*) ‘жертва’. Часто звук [h] не обозначался: *Minä panen minun Sanani sinun suuhun* ‘Я вкладываю свое слово в твои уста’), *Maan* (*maahan*) *saacka* (совр. финский: *Maahan saakka* ‘до земли’), *teden tai tädhen* (совр. финский: *tähden* ‘из-за’), *madollinen* (совр. финский: *mahdollinen* ‘возможный’).

Из согласных звук [m] мог обозначаться двояко: в большинстве случаев через *m*, либо как *n* перед согласным *p*, либо чертой над предшествующей ему гласной: *me* (*ne*) ‘мы’; *enämbi* (*enämpi*) ‘больше’; *molenpita* (*molempits*) ‘оба’; *cūpanillēs* (*kumppanillens*) ‘у обоих’.

⁶ Напомним, что именно обозначение звука ð вызвало широкую дискуссию среди финских языковедов XIX века, известную в истории финского языка как борьба диалектов. Дискуссия была вызвана тем, что к тому времени этот звук был финнам неизвестен. В некоторых диалектах он просто выпал, в других был заменен звуком *l* (в диалекте хяме), *r* (в западных диалектах). На пограничных со Швецией территориях он стал обозначаться буквой *d*. Звук ð сохранился только в провинции Сатакунта (до начала XX века). В конечном итоге в письменной речи стали использовать букву *d* на шведский манер.

Звуки [n] и [ŋ] обозначались одинаково через согласный *n* или чертой над предшествующей ему гласной: *paimenē* (*paimen*) ‘пастух’; *Jumalā* (*jumalan*) ‘бог’; *waldakūda* (*waltatakunta*) ‘государство’; *hengi* (*heŋki*) ‘дух’; *wahingo* (*vahiŋko*) ‘вред’; *caupūgijns* (*kaupūŋkiins*) ‘в города’; *kenēga* (*keneŋkä*) ‘чей’; звуковое сочетание [ŋŋ] обозначалось на письме сочетанием *ng*: *hengen* ‘духа’; *wahingon* ‘ущерба’ (Agricola 2007: 71).

Глухой дентальный звук [ʒ], который развился из существовавшего в праязыке сочетания *ts*, произносился как удвоенный [ʒʒ]. В текстах Агриколы он обозначался как *tz*, например: *katzoi* (произносилось как *kaʒʒoi*) ‘*katsoi*’ ‘посмотрел’, *itze* (*iʒʒe*) ‘сам’, *metze* (*meʒʒä*) ‘лес’ (Lehikoinen, Kiuru 1998: 77; Kuusinen 1978: 20).

В заимствованных словах звуки [b], [d], [g], [f] Агрикола использовал без изменений: *Omega* ‘омега’, *Dauid* ‘Давид’, *Biblia* ‘Библия’, *fangittu* ‘заключенный’, *Frouwa* ‘госпожа’. Бывали случаи, когда звонкие [b], [d], [g] оглушались, что фиксировалось на письме: *dicteranut* и *tichterauat* ‘указанный’, *drengit* и *trenki* ‘батрак’, *Basunell* и *Pasunan*.

Не отразилась в орфографии текстов Агриколы долгота гласных, играющая в финском языке смыслоразличительное значение.

В области морфологии Агрикола ввел в оборот:

1. личные местоимения *me* ‘мы’, *te* ‘вы’, *he* ‘они’ вместо *mö*, *tö*, *hö*;
2. форму так называемого 2-го генитива множественного числа, который утвердился в старом финском литературном языке, например, *ialcain* ‘ног’, *pahain* ‘плохих’, *wääräin* ‘неправильных’ (в современных восточных и юго-восточных диалектных формах *jalkojen* – *jalkoin*, *väärien* – *vääriin*);
3. дифтонг *-ei-* в некоторых формах множественного числа имен и имперфектных формах глагола, например, *synneistä* ‘из грехов’, *papeixi* ‘*papeiksi*’ ‘в священники’, *kärsei* ‘*kärsi*’ ‘страдал’, *etzei* ‘*etsi*’ ‘искал’;
4. тип глагольных форм *achkeroitze*, *satuloitzit*, *atrioitzit* (в восточных диалектах *ahkeropi* ‘старался’: совр. фин. *ahkeroida* ‘стараться’, *satuloit* ‘оседлал’: совр. фин. *satuloida* ‘седлать’).

Описывая синтаксические конструкции, употребляемые М. Агриколой, необходимо принимать во внимание, что все им созданные тексты писались на западном диалекте⁷.

⁷ Выбор юго-западного и западного диалектов в качестве основы письменного финского языка определялся тем, что на юго-западе

Причастные конструкции, которые встречаются в текстах Агриколы, отличаются от современных. В них так называемая субъектная часть и часто само причастие оформлены в номинативе, в то время как в современном языке они выступают в генитивной форме, например: *Sillä sijnä cwllan Rooscat winisepä, Ja ne Pöret kitiseuen, Orhijt hirnuwat ia Rattat wieryet; ia hen näky wihainen oleua* (совр. фин. ... *ruoskien vinisevän...*, ...*pyörien kitisevän...*) ‘тогда, когда плети свистели и колеса скрипели, кони ржали, колеса крутились’. Многие исследователи относят это явление в современном языке к более архаичным проявлениям (Д. В. Бубрих). Формы, употребленные М. Агриколой, относятся к более поздним конструкциям, характерным для юго-западных диалектов.

Архаичной чертой в языке Агриколы является использование партитивных форм личных местоимений в функции дополнения, в то время как в современном языке, они выступают в форме аккузатива, например: *Tocat hende tenne = tuokaat häntä tänne* (*tuokaa hänet tänne*) ‘приведите его сюда’, *ioca meite... yleisnieli = joka meitä ylösnieli* (*joka meidät nielaisi*) ‘который проглотил бы нас’.

В большинстве случаев расхождения между современным языком и языком М. Агриколы вызваны тем, что в основу современного языка положены другие диалекты. Тотальный объект, например у Агриколы, выражается так же, как и в западных диалектах – аккузативом: *heiden piti saaman lohdutoxen*. В современном языке используется форма, аналогичная употребляемым в восточных диалектах – номинатив: *lohdutus* ‘утешение’. Сказуемое обозначалось формой множественного числа, если подлежащее выражалось собирательным существительным, например: *Ja canssa hemmestiut ia sanoit* (*ja kansa hämmästyivät ja sanoivat*) ‘народ удивился и сказал’. Такие формы встречаются в современных диалектах.

В синтаксических конструкциях языка Агриколы чувствуется сильное влияние других европейских языков (немецкого, латыни), в частности, аблативная форма агенса выступает с глаголами в пассивном залоге: *Coska hen nyt Phariseusilda*

проживала значительная часть оседлого населения Финляндии. Агрикола ссылаясь на то, что западные финны, жители «собственно Суоми», раньше других приняли христианство. Город Турку должен стать центром епархии и всей страны. Западная Финляндия, по словам Агриколы, была «матерью» всех других провинций и её наречию следует отдать предпочтение.

kysyttiin (kun fariseukset kysyivät häneltä) ‘когда фарисеи спросили его’. Данная конструкция аналогична русской ‘он был спрошен фарисеями’. Агненс мог также выступать в форме элатива: *Neiste colmista Witsauxista tapattin colmas osa inhimisiste (näinä kolme vitsausta tappoivat kolmannen osan ihmisistä)* ‘эти три бедствия погубили треть населения’.

Под влиянием других языков Агрикола употреблял конструкции с послелогоми, тогда как в современном языке в этой функции выступают только конструкции с соответствующими падежными формами (иллативом и аллативом): *iotca sen päle Vskoit (jotka siihen uskoivat)* ‘которые верили в это’; *ole Armolinen ylitze sinun canssas pahudhen (ole armollinen kansallesi)* ‘будь милосерден к своему народу’. Также указательные местоимения *se (ne)* и числительное *uksi* ‘один’ употреблялись в функции неопределенных и определенных артиклей, например: *Se Wsi Testamentti* ‘Новый Завет’, *Loo minussa uxi puhdas Sydhen* ‘очисти сердце во мне’.

Со времен Агриколы и под влиянием других языков в финском используются глаголы *pitää* и *tahtoa* в значении вспомогательных глаголов в таких конструкциях, как: *Herran pite Maan äret Domitzeman (herra on tuomitseva)* ‘господь осудит’, *quincauuan sinne tadhot ratki nin wihainen olla? (kuinka kauan olet, mahdat olla)* ‘как долго ты сможешь быть’.

По подсчетам финских исследователей (Rapola 1962), в активном употреблении Микаеля Агриколы находилось примерно 8000 слов⁸, из которых около 60 процентов сохранились в современном языке. Мы уже отмечали, что язык Агриколы в основном базировался на юго-западном и западном диалектах. Однако в текстах встречаются слова из юго-восточного и восточного диалектов⁹. Создаваемый Агриколой литературный язык не был воспроизведением одного диалекта, а являлся синтезом диалектов. В этом синтезе был заложен механизм дальнейшего развития общенационального языка.

Диалектной лексики Агриколе явно не хватало, когда он обращался к духовным или абстрактным темам. Иного выбора, как составлять самому новые слова или заимствовать из других языков, у этого талантливого переводчика Библии не было.

⁸ Для сравнения: древний карело-финский эпос «Калевала» насчитывает примерно 7600 слов.

⁹ В предисловии к переводу Нового Завета Агрикола отмечает, что им «по мере нужды привлечены также обороты и слова других наречий» (цит. по Карху 1979: 62).

Большая часть слов, придуманных Агриколой, до сих пор находится в активном употреблении, например: *isänmaa* 'отечество', *kuuluista* 'знаменитый', *nuoruus* 'молодость', *rohkeus* 'смелость', *talous* 'хозяйство', *vaarallinen* 'опасный', *vitsaus* 'бедствие', *ylpeys* 'гордость', *ystävällinen* 'дружественный'. Агрикола заимствовал слова из шведского языка: *enkeli* 'ангел', *hunaja* 'мёд', *lääkäri* 'врач', *naapuri* 'сосед', *teksti* 'текст'.

Как отмечают исследователи финского языка, записанные в соответствии с современными правилами орфографии переводы Агриколы легко читаются. Его переводы Нового и частей Ветхого завета служат основой для переиздания Библии на протяжении не одной сотни лет.

Работоспособность Агриколы была колоссальной: за десять лет, наполненных трудами в кафедральной школе и административными заботами, он издал десять книг, создав для евангелической церкви Финляндии целый корпус необходимой духовной литературы¹⁰.

Следуя существовавшей в ту пору традиции снабжать текст перевода комментариями, Агрикола писал обширные предисловия, обращенные в первую очередь к священникам. Работая над переводами и проповедями, он не мог не заметить богатство народного языка, яркость его оборотов.

Мы не можем оставить без внимания и другие его труды, которые интересны с точки зрения формирования литературного финского языка. Богослужения велись на шведском языке, но при этом ощущалась настоятельная потребность в богослужении финском языке. Задача несколько облегчалась слабостью государственной и церковной централизации – отсутствие жесткого контроля давало финским церковным деятелям некоторую свободу в переводе шведского текста.

¹⁰ Среди них «Книга библейских молитв» (*Rucouskiria Bibliasta*, 1544), которую некоторые ученые называют «первой финской энциклопедией» (Häkkinen 1984: 81). Многие предисловия и пояснения были представлены в стихотворной форме, что для Финляндии являлось новшеством. Стихи носили дидактический характер. В этом «Книга молитв» подражала немецким образцам. Заслуживают упоминания служебник «Месса, или Причастие Господне» (*Messu eli Herran Ehtolinen*, 1549) и «Страсти Господа нашего Иисуса Христа» (*Se meidän Herran Jesusen Christusen Pina*, 1549), «Давидова Псалтирь» (*Daidin Psaltari*, 1551), «Гимны и пророчества, выбранные из Моисеева Закона и пророков» (*Weisut ja Ennustokset Mosesen Laista ja Prophetista Wloshaetut*, 1551), сборник «Пророки. Аггей. Захария. Малахия» (*Ne Prophetat. Haggai. Sacharja. Maleachi*. 1552).

Среди этих трудов следует назвать «Кодекс Вест»¹¹, который восходит к редакции «Шведской мессы» (1541). Сборник включает в себя требник и псалтырь на финском языке (144 листа). Другой кодекс «Кодекс Б 28» (31 лист) неизвестного автора обнаруживает очевидную связь с «Книгой молитв» Агриколы. Оба кодекса использовались в финноязычных приходах. Мы уже упоминали о том, что согласно указаниям Ману Сяркилахти, священник должен был обращаться к прихожанам на финском языке. Это особенно касалось обрядов бракосочетания, крещения, исповедования, бесед с больными.

Помимо двух упомянутых кодексов, сохранилась рукописные фрагменты «Упсальского Евангелия» на финском языке (24 страницы). Согласно заключениям специалистов, судя по характерным языковым особенностям, речь идет о «старейших из известных нам связных текстов на финском языке» (Nikkilä 1985: 57). По мнению Никкиля, язык фрагмента отражает лингвистические особенности юго-западных финских диалектов (Nikkilä 1985: 59). Как видим, Агрикола был не одинок в своем рвении донести Слово Божие в Финляндию. Все эти тексты сыграли огромную роль в формировании финского литературного языка. Благодаря переводам Священного Писания финский язык и культура обогатились христианскими понятиями, что способствовало включению страны в единое европейское духовное и культурное пространство.

Итак, распространение новой религии – лютеранства и необходимость верной записи и точного перевода текстов Священного писания породили потребность в составлении грамматик национальных языков, авторами становились деятели Реформации и сторонники христианского гуманизма. Финляндия, как представляли до недавнего прошлого, получила грамматику национального языка лишь в 1640 году. Ее автором был священник из Наантали Хенрик Кругерус. До этого же времени и на протяжении всего периода формирования литературного языка не было систематического изложения сведений о структуре финского языка. Хотя историкам было известно, что еще в 1579 году Олав Сундергелт (Olaus Sundergelteus), ученик школы ордена иезуитов города Ольмюца, и Йоханнес Юссойла (Johannes Jussoila) из Раумы приступили к составлению грам-

---

¹¹ Кодекс получил название по имени его владельца Матиаса Веста (Mathias Westh), указанного на обложке издания. Вест мог быть переписчиком текста (см.: <http://www.kansallisbiografia.fi/kb/artikkeli/420/>).

матики финского языка, но грамматика так и не была опубликована, а рукопись считалась утраченной.

В 2008 году на аукционе Сотби исследователи языковеды обнаружили грамматику финского языка «*Rudimenta linguae finnicae breviter delineate*» («Основы финского языка в кратком освещении», далее по тексту – «Рудимента»), датируемую примерно рубежом XVI и XVII веков (см.: *Rudimenta*).

Рукопись грамматики финского языка «Рудимента» включает 24 страницы единого текста. Образцом для «Рудименты», как и для всех европейских грамматик, послужила грамматика латинского языка, написанная Донатом.

Грамматический материал представлен в пяти разделах: введение (*Nomenclatura*), орфография (*Orthographia*), этимология (*Etymologia*), просодия (*Prosodia*) и синтакс (*Syntaxi*). Дается краткое описание орфографии с опорой на знание читателем шведского языка, так как подчеркивается, что за исключением удвоенной буквы *ff* в финском употребляются те же буквы, что и в шведском. Используется латинская грамматическая терминология. Большая часть грамматики представлена в разделе Этимология (т. е. морфология), в которой рассматриваются состав слова, его семантика и способы построения словосочетаний.

Согласно представленному в «Рудименте» материалу, все слова в финском языке делятся на восемь классов, что соответствует латинской традиции: имена, которые подразделяются на существительные и прилагательные; местоимения, глаголы, причастия, наречия, союзы, предлоги и междометия. Дается информация о словообразовании и способах выражения единственного и множественного числа, указывается на отсутствие грамматического рода.

В именной системе выделяется шесть падежей: номинатив (например, *Ihminen* ‘человек’), генитив (*Ihmisen* ‘человека’), датив (*Ihmiselle* ‘человеку’), аккузатив (*Ihmistä* ‘человека’), вокатив (*Ihminen* ‘человек’) и аблатив (*Ihmiseldä* ‘от человека’). К разряду местоимений отнесены следующие слова: *Minä* ‘я’, *Sinä* ‘ты’, *Hän* ‘он, она’, *Se* ‘это’, *Tämä* ‘этот’, *Toi* ‘тот’, *Cusa* ‘кто’, *Kenengä* ‘чей’ и *Joca* ‘который’. Местоимения изменяются по такой же падежной парадигме, что и имена существительные. Например, номинатив *Mina* ‘я’; генитив *Minun* ‘мой’; датив *Minulla* ‘у меня’; аккузатив *Minua* ‘меня’; вокатив *minä* ‘я’ / *minua* ‘меня’; аблатив *Minulda* ‘от меня’.

Кратко сообщается о четырех степенях сравнения: положительной (например, *Cunnialinen* ‘честный’), компаративной

(*Cunnialisembi* ‘честнее’), суперлативной (*Cunnialisin* ‘самый честный’) и плюсквамсуперлативной, ‘больше, чем суперлативная’ (plus quam Superlativus) (*Caickein Cunnialisin* ‘честнейший из честнейших’).

Глаголы не описываются через личные и безличные формы, но приводятся их формы в активном или пассивном залоге. Темпоральная система представлена четырьмя формами: презенсом, претеритом, плюсквамперфектом и формой будущего времени. В роли вспомогательного глагола выступает глагол *tahtoа* ‘желать, хотеть’.

Поскольку грамматика предназначалась для обучения чтению вслух (при чтении проповедей и при богослужении), есть раздел, посвященный просодии, в котором сообщается об ударении в слове и структуре слогов. В частности, указывается, что в двухсложных словах (*Jumal* ‘Бог’, *Engel* ‘Ангел’, *Hengi* ‘Дух’, *ruhä* ‘святой’, *paha* ‘плохой’) ударение ставится на предпоследний (то есть на первый) слог, в трех- и многосложных словах (*Ihminen* ‘человек’, *Pakana* ‘безбожник, язычник’, *Siiweys* ‘чистота’, *Cunnialisuus* ‘честность’) на первом и третьем с конца слоге.

Внимательно изучив орфографию и лексику обнаруженной рукописи, финские исследователи осторожно приходят к выводу, что грамматика была написана на рубеже XVI–XVII веков, еще до появления уже изученных грамматик Кругеруса (1640) и Петрауса (1649).

Финский литературный язык как таковой появился благодаря осуществлению принципов лютеранской Реформации. В ходе просветительской работы деятелей Реформации, Агриколы и его единомышленников изменился статус финского языка: он обрел литературную форму, был описан и кодифицирован.

Литература

- Бубрих 1948 – Бубрих Д. В. Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, издательство карело-финской ССР, 1948.
- Бубрих 2005 – Бубрих Д. В. Историческая морфология финского языка в связи с синтаксисом // Бубрих Д. В. Прибалтийско-финское языкознание: Избранные труды / Под ред. Г. М. Керта, Л. И. Сувиженко. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 173–290.
- Карху 1979 – Карху Э. Г. История литературы Финляндии. Л.: «Наука», 1979.
- Клинге 2005 – Клинге М. Имперская Финляндия. СПб: Изд. дом «Коло», 2005.
- Макаров 2007 – Макаров И. В. Очерки истории Реформации в Финляндии (1520–1620-е гг.): формирование национальной

- церковности. Портреты выдающихся деятелей финской Реформации. СПб.: Генкин А. Д., 2007.
- Меннандер 2008 – Меннандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: Изд-во «Весь мир», 2008.
- Agricola 2007 – Mikael Agricola. Abckiria. Kriittinen editio / toim. K. Häkkinen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran, 2007.
- Heininen – Heininen S. Kristinuskon historia (<http://www.teologia.fi/artikkelit/kristinuskon-historia/193-suomen-kirkko-ja-suomen-kieli>).
- Kallinen 1998 – Kallinen M. Suomalaiset opintiellä: Pariisi–Rostock–Wittenberg // Tieteessä tapahtuu. 1998. № 4. (<http://www.tieteessatapahtuu.fi/984/sisalto.html>).
- Klinge 1993 – Klinge M. The Finnish Tradition: Essays on structures and identities in the North of Europe. Helsinki: SNS, 1993.
- Kuusinen 1978 – Kuusinen M. Suomen kielen historiaa. II osa. Петрозаводск, 1978.
- Lehikoinen, Kiuru 1998 – Lehikoinen L., Kiuru S. Kirjasuomen kehitys. Helsinki: Hakapaino Oy, 1998.
- Rapola 1962 – Rapola M. Agricolan apajalla. Helsinki, 1962 (= Tietolipas 28).
- Rudimenta – uusi suomen varhaiskielioppi (<http://www.kotikielenseura.fi/virittaja/verkkolehti/index.html>)
- Suomen historian pikkujättiläinen 1987 – Zetterberg S. (toim). Suomen historian pikkujättiläinen. Porvoo: WSOY, 1987.
- Suomen kirjallisuushistoria 1999 – Varpio Yrjö (päätoim.) Suomen kirjallisuushistoria 1: Hurskaista lauluista ilostelevaan romaaniin. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1999.

N. S. Bratchikova. The Formation of Finnish literary language in the epoch of the Reformation

The main factors that made the Finnish church leaders to develop the Finnish literary language are the removal of the Diocesan center to Turku and the need for a corpus of religious texts in the native language because of the Christianization of Finland. The linguistic situation in the country was multilingual at that time: the clergy and intellectuals spoke Swedish and German, some of them knew Finnish as well and most of the population spoke only Finnish. In XIII–XV centuries, the Finnish language had a lower status than Swedish and the use of the Latin language was restricted to the church life. As soon as the reformation of the Church started the translation of religious and legal literature into Finnish began.

The creation of the Finnish literary language is the merit of the great reformer Agricola, notwithstanding the fact that his language abounded in variant spellings and Latin loans.

During the period under consideration there were created several works significant for the history of the Finnish literary language; they are reviewed in this article. The Finnish literary language had not been formed on the basis of one dialect; it was the synthesis of the western and eastern dialect groups.

The translations of the Holy Scripture had enriched Finnish culture with biblical subjects and expressions that later helped the country to join the common European spiritual and cultural society.

The first attempt to write the grammar of Finnish was made in the Reformation period (XVI–XVII centuries).

Key words: the formation of Finnish literary language, the Reformation, Finnish book publishing, translation of Scripture into Finnish literary language, the first grammar of the Finnish language.